

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47); 21

Д.Е. Буянов

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Раскрываются причины и характер переселения духовных христиан в Сибирь и на Дальний Восток. Анализируются социально-политические аспекты переселения, связанные с выбором места проживания сектантов. Выясняются особенности вероучения духовных христиан. Исследуются вопросы хозяйственной деятельности духовных христиан. Обращается внимание на взаимоотношения духоборов и молокан с властью. Описывается история ссылки духоборов в Якутию в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; Якутия; ссылка; переселение; духовные христиане; духоборы; молокане; традиции; религия.

В последние годы в научной литературе усилилось внимание к деятельности русских неправославных христианских сект. Среди них особое место занимают духовные христиане, которых называют еще старорусскими сектантами. После реформ патриарха Никона (1553–1556 гг.) в Русской православной церкви произошел Раскол. Это событие, несомненно, оказало влияние на возникновение в России мистических и рационалистических религиозных учений. Среди радикальных антицерковных движений, возникших во второй половине XVII – начале XVIII в., выделяются хлысты (христы, христоверы). Считается, что название «хлысты» – это искаженное слово «христы». Во второй половине XVIII в. из хлыстов вышли духовные христиане (сначала духоборцы, а из последних – молокане). В источниках XIX – начала XX в. термины «духоборцы» и «духоборы» употребляются как равнозначные. У хлыстов впервые возникло представление о возможности прямого общения человека с Богом без посредства священников. Впоследствии духовные христиане развили этот тезис и провозгласили идею «внутренней церкви», как бы находящейся в душе верующего.

Духоборы и молокане выражали социальный протест, прежде всего, русского крестьянства (а молокане – еще мещанства и купечества, которое вышло из тех же сословий) против существующих в стране феодально-крепостнических порядков и догматизма Русской православной церкви. При этом молокане были в первых рядах тех общественных сил, которые шли в стезе капиталистического развития России. Рыночные отношения, экономический рационализм, свободный труд, частное предпринимательство вполне соответствовали их представлениям об обществе, о роли и месте человека в жизни, о путях спасения души. Молокане полагали, что залог спасения каждого христианина – добрые дела, прежде всего ежедневный напряженный труд (этика «добрых дел»). Их религиозная мораль оправдывала всякое преуспевание и материальное обогащение, если это сопровождается братской и бескорыстной помощью всем нуждающимся. Молокане считали частную собственность и социальное неравенство вполне естественными и присущими человеческой природе явлениями,

чему находились и соответствующие обоснования в Библии. Они говорили, что дело не в эксплуатации и угнетении бедноты, а в том, что «один бережливый рачительный хозяин, а другой лодырь, пропащий человек; так положено самим Богом» [1. С. 81]. Молокане были убеждены, что буржуазные порядки не противоречат смыслу Св. Писания и строили на этом основании свою религиозную концепцию и идеологию, а также публичное поведение и социально-культурные стереотипы.

Духоборы, напротив, отрицали частную собственность и в XIX в. не раз предпринимали попытки перестроить общественные отношения в своей среде на уравнилельно-коммунистических началах. Духоборы ориентировались на традиционные крестьянские общинные формы хозяйственного и социального быта. Для них в значительно большей степени, чем для молокан, были характерны коллективизм, соседская солидарность, обычаи взаимопомощи и товарищеской поддержки.

В Российской империи общины духовных христиан всех направлений и толков существовали на территории Восточной Украины, в Новороссии, на Дону, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. Секта духоборов, возникшая в середине XVIII в., состояла преимущественно из государственных крестьян, однодворцев и казаков. Частновладельческих крепостных среди духоборов было немного. Среди молокан преобладали государственные крестьяне, но было немало горожан – ремесленников, кустарей, мелких торговцев.

Последователи духовного христианства отвергали все уставы православия, догматическое богослужение, внешние церковные обряды, поклонение видимым вещественным проявлениям культа: иконам, крестам, мощам, отрицали храмы, монастыри и монашество, святых, а также все семь таинств (крещение, причащение, покаяние, миропомазание, брак, елеосвящение, священство). При этом духоборы не придавали никакого значения Св. Писанию и на своих молениях пользовались существующей устно Животной книгой (псалмы, песни религиозного содержания), а то время как молокане считали Библию краеугольным камнем своего вероучения.

Религиозное движение духовных христиан привлекло внимание общественности и исследователей во второй половине XIX в. [2–4; 5. Кн. XI. С. 138–161; Кн. XII. С. 83–115; 6]. В российских энциклопедических изданиях были опубликованы статьи о духоборах и молоканах [7. С. 251–253; Т. XIX^A, полутом 38. С. 644–646; 8. Ст. 224–230]. Много работ посвятил духовным христианам В.Д. Бонч-Бруевич [9. С. 170–171; 10. С. 173–213; 11. С. 214–263]. В советское время изучением деятельности религиозных сектантов на Дальнем Востоке занималась М.Н. Балалаева [12. С. 110–128; 13. С. 24–39; 14. С. 3–29; 15; 16. С. 188–217; 17. С. 3–9]. В новейшей историографии проблемы выделяются труды Ю.В. Аргудяевой [18. С. 156–173; 19; 20. С. 19–21; 21. С. 57–61; 22].

Данная статья опирается на группу архивных источников, находящихся на хранении в Государственном музее истории религии (ГМИР), Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), Государственном архиве Амурской области (ГААО). Кроме того, были использованы статистические данные и материалы нарративного характера по истории российского Дальнего Востока, опубликованные в конце XIX – начале XX в.

Духоборы и молокане жестоко преследовались правительством. Царские власти и церковные чины делали упор на применение всяческих стеснений, ограничений и часто жестоких гонений в отношении сектантов, не делая никому никаких послаблений и не утруждая себя выяснением различий между ними. Власти, считая духовных христиан особенно вредными сектантами, ссылали их в отдаленные и труднодоступные места Сибири. Законы Российской империи предписывали ссылать раскольников и сектантов в Якутскую область, что практиковалось в течение всего XIX столетия. Некоторые из духовных христиан были оставлены на поселении в Енисейской, Иркутской и Томской губерниях.

Когда после заключения Айгунского договора между Россией и Цинской империей (28 мая 1858 г.) началось освоение русскими Дальнего Востока, правительство использовало в качестве доступного и не слишком обременяющего казну переселенческого ресурса, находящихся под административным и полицейским контролем сектантов. Первые группы духовных христиан оказались на востоке страны не по своей воле.

В 1861 г. было издано «Положение Сибирского комитета о правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». В статье 8 Положения говорилось, что на каждое семейство отводится в пользование участок земли не более 100 казенных десятин. Переселенцы получали ряд льгот: им предоставлялась земля в бесплатное пользование в течение 20 лет, на 10 лет они освобождались от рекрутской повинности и навсегда – от подушной подати. Однако «переселение это совершается желающими на собственный их счет, без всякого денежного пособия со стороны казны». Кроме того, земля передавалась в пользование крестьянским обществам в составе не менее 15 семейств [23]. В по-

следнем пункте отчетливо прослеживается попытка царского правительства насадить архаичную общину на востоке страны, что в корне противоречило стремлению молокан к ведению индивидуального капиталистического хозяйства фермерского типа.

Путь на новые земли был труден, требовал больших материальных затрат и сопровождался потерей многих человеческих жизней. Начальник отряда земледельческой колонизации Амурской экспедиции С.П. Шлишкевич писал: «В целом история переселения в Амурскую область разделяется на два периода: первый – до постройки Сибирской и Забайкальской железной дороги и второй – по открытии сплошного движения до Сретенска (в 1900 г.). Пока постройка Сибирской железной дороги не началась, и всё переселение в Сибирь шло на Тюмень, переселенцы в Амурскую область должны были встречать на пути в восемь тысяч вёрст весьма серьёзные трудности, и преодолеть их было доступно только сильным и выносливым в физическом и моральном отношении натурам. Шли по два и по три года, что называется голодая и холодая, теряя в пути детей и взрослых членов семьи, проедавая имущество, останавливаясь для заработков, чтобы снова двинуться в путь. Правда, пришло этих переселенцев немного... но они проявили прямо стихийную силу стремления и чрезвычайную выносливость. Невольно приходит в голову вопрос – что влекло их так сильно через всю Сибирь мимо тех благодатных мест, где после прохода этих немногочисленных путников осели миллионы позже пришедшего русского крестьянства? Верный ответ на этот вопрос затерян в недрах крестьянской психологии, но с некоторой вероятностью можно допустить, что здесь действовали три причины, располагавшиеся по степени силы в таком порядке: 1) свобода от воинской повинности; 2) полная фактическая свобода вероисповедания; 3) безграничный земельный простор, отражавшийся в норме сто десятин на двор» [24. С. 98].

Дальневосточный исследователь конца XIX – начала XX в. А.В. Кириллов писал, что переселившиеся на Амур в 1859 г. сектанты, имея правильную переписку со своими родными и знакомыми, оставшимися на старых местах, сообщали им не только о тех материальных выгодах, которые предоставляло переселение, но и о религиозной терпимости администрации и местного населения, которую они здесь нашли. Эти слухи были заманчивыми для сектантов и раскольников, которые не пользовались в других местах религиозной свободой и служили одним из сильных толчков, побуждавших их к переселениям [25. С. 9].

Об этом же писал амурский краевед первой половины XX в. Г.С. Новиков-Даурский: «Распространился слух о “веротерпимости”, то есть свободе вероисповедания для амурских новоселов. Это привлекало на Амур староверов из Забайкалья, Западной Сибири и даже из Польши, молокан и духоборов из Самарской, Тамбовской и Таврической губерний, баптистов, субботников и прочих сектантов из разных областей России» [26. С. 130]. По воспоминаниям старожила А.В. Ланкина, к переселению молокан в Приамурье их подвигнул рассказ односельчанина первопроходца Михаила Евтеевича Лештаева, побывавшего

в Амурской области в 1862 г. Лештаев, осмотрев окрестности г. Благовещенска, нашел незанятую и пригодную для обработки землю, и, убедившись в отсутствии на востоке воинской повинности, возвратился с этой вестью назад [27. Л. 2].

Духоборы приезжали в Амурскую область в основном из Енисейской губернии и Забайкалья. Переселение духоборов шло бок о бок с молоканами, однако в отличие от последних поток духоборов был не такой массовый и селились они преимущественно в сельской местности. Основными местами проживания духоборов в Амурской области на рубеже XIX–XX вв. были села Андреевка, Астрахановка, Покровка, Ново-Троицкое, Гильчин, Тамбовка, Гомелевка, Введеновка и г. Благовещенск [28. С. 132].

В 1862 г. было разрешено переселиться в Приамурье 33 семьям крестьян из Туруханского края, из них 25 семей (указано в списке) исповедовали духоборчество. Это были находившиеся из-за своих религиозных воззрений в ссылке семьи Миловановых, Галактионовых (Галактионовых), Иголкиных, Стародубовых, Тулиных и др. В деревне Искупино это были: Милованов Федот Васильев (9 душ), Галактионов Яков Васильев (3 д.), Иголкин Николай Родионов (2 д.), Стародубов Никита (3 д.), Афанасьева Улита (вдова, 2 д.), Пугин Филипп Осипов (6 д.), Стародубов Василий Матвеев (7 д.), Галактионов Михайло Васильев (8 д.), Галактионов Дмитрий Васильев (7 д.), Галактионов Павел Яковлев (3 д.), Стародубов Иван Никитин (10 д.), Стародубов Иван Николаев (7 д.), Милованов Степан Алексеев (3 д.), Милованов Гаврило Андреев (5 д.), Иголкин Лукьян Константинович (7 д.), Тулин Тихон Васильев (6 д.), Григорьева Улита (вдова, 3 д.), Иголкин Илья Николаев (12 д.); в станке Мирном: Тулин Семен Осипов (4 д.), Тулин Давид Семенов (9 д.), Иголкин Родион Никитин (4 д.), Волобуев Андрей Данилов (8 д.), Абабков Гаврило Никандров (8 д.), в станке Шорохинском: Меньшагин Самсон Капитонов (3 д.), Суходолин Карп Евсеев (1 д.), Шведов Григорий Федоров (2 д.), Иголкина Агафья (вдова, 1 д.); в станке Старо-Ермаковском: Мочалов Федор (1 д.); в станке Ново-Ермаковском: Мочалов Михайло Федоров (9 д.), Тулин Панкратий (6 д.); в станке Деникинском: Иголкин Тарас (6 д.); в станке Чулковском: Гордеев Прохор (1 д.); в населенных пунктах, названия которых неизвестны: Гилев Прокопий Петров (4 д.), Тулина Ирина Федоровна (вдова, 7 д.), Шведов Григорий (5 д.), Кухтин Глеб Павлов (9 д.), Иголкин Никита (10 д.), Тулин Александр (5 д.), Галактионов Дмитрий (7 д.), Стародубов Василий (8 д.), Стародубов Григорий (2 д.), Тулин Филипп Осипов (5 д.), Григорьев Василий (4 д.), Тулин Тихон (2 д.) [22. С. 99–100, 272–273].

Из этих фамилий известен как принадлежащий к духоборам род Иголкиных, благовещенских мещан [29. Л. 25 об., 26, 26 об.]. На Амуре традиционно принадлежали к молоканам Галактионовы (Галактионовы), Миловановы, Меньшагины. Однако некоторые Галактионовы и Миловановы были духоборческого вероисповедания. Так, в метрической книге Благовещенской городской управы за 1912 г. зарегистрированы благовещенские мещане-духоборы: Никита Афа-

насьевич Милованов, его жена Анастасия Иосифовна, в семье которых родились дети – Мария (1897 г.), Сергей (1901 г.), Иван (1903 г.); Павел Трофимович Галактионов, его жена Матрена Алексеевна, у которых родилась дочь Марианна (1912 г.). Свидетелем при записи этого события был благовещенский мещанин Антон Пивоваров, скорее всего, также духобор [29. Л. 66 об., 67, 98 об., 99]. В метрической книге Благовещенской городской управы за 1914 г. отмечены духоборческого вероисповедания благовещенский мещанин Иван Никитич Милованов, его жена Феодосия Васильевна, у которых в 1913 г. родилась дочь Евдокия [30. Л. 36 об.–38]. К духоборам принадлежали переселившиеся на Амур Клементьевы, Кухтины, Стародубовы, Иголкины, Суходолины, Тулины. Иркутский историк М.В. Муратов упоминает находившихся в сибирской ссылке Глеба и Павла Кухтинных [31. С. 39, 46].

В 1864 г. духоборы из Туруханского края основали деревню Покровку Амурско-Зейской волости. В 1870 г. в ней было 35 дворов, 151 человек населения; к 1 января 1891 г. числилось 48 дворов, 236 жителей. Основными занятиями жителей Покровки были земледелие и извоз [32. С. 324]. 15 июня 1900 г. духобор Андрей Николаевич Стародуб (Стародубов) из деревни Покровка в письме своему единоверцу сообщил, что он с семейством засеял 30 десятин хлеба, имел в хозяйстве 16 лошадей, 18 коров. Он описал семейное положение (женит внука), имена родственников – жену внука звали Афимья, пополнение семейства – в семье внука родились 2 дочери – Вера и Матрена, у дочери Стародуба Авдотьи родился сын Михайло, на тот момент ему исполнилось два года. В конце письма А.Н. Стародуб передавал низкий поклон духоборам в Новотроицком селении [33. Л. 1].

Сектанты проживали в Андреевке Ивановской волости. В 1870 г. эта деревня состояла из 10 дворов и 68 жителей; в 1880 г. было 13 дворов, 85 жителей, к 1 января 1891 г. было 35 домов, 234 жителя [32. С. 53]. К 1912 г. в Андреевке проживало 793 человека. [34 Л. 69 об.]. Село было основано в 1865 г. молоканином Андреем Андреевичем Буяновым. Деревня считалась зажиточной. В списке репрессированных сельчан в конце 30-х гг. XX в. числились И.В. Абрамов, Н.В. Абрамов, И.К. Болотин, М.И. Виноградов, И.Ф. Дружин, Н.И. Ларионов, И.А. Ларионов. В семье Ильи Андриановича Ларионова было 22 человека. Его родители Андриан Николаевич Ларионов и мать Елизавета Яковлевна Ларионовы были одними из первых жителей села [35. С. 67, 69]. Болотины, Виноградовы, Дружины однозначно относились к молоканам, Ларионовы были духоборами, Абрамовы могли быть и теми и другими.

Деревней с духоборческим населением была Введеновка Томской волости. Была основана в 1891 г. духоборами, выселившимися из села Ново-Троицкое. В начале 90-х гг. XIX в. во Введеновке было 33 двора, 187 жителей [32. С. 97]. В РГИА ДВ сохранилось дело, содержащее просьбу жителей этого села позволить им переселиться в Забайкальскую область. В октябре 1897 г. после очередного сильного наводнения крестьяне Федор Афанасьев и Макар Савельев от

имени 18 домохозяев (Авдеевы, Афанасьевы, Ивановы, Савельевы, Ткачевы, Тюрюхановы, Чернаковы) обратились к военному губернатору Амурской области за разрешением переехать в другое, более удобное для хлебопашества место. Однако власти смогли убедить жителей Введенки остаться в их родном селе [36. Л. 84, 88, 89–90].

Село Ново-Троицкое Амурско-Зейской волости считалось одним из центров духоборческого движения в Приамурье. Было основано в 1864 г. переселенцами из Ставропольской и Самарской губерний. В 1870 г. село состояло из 23 дворов и 97 жителей, к 1 января 1891 г. в селении числилось 24 двора, 159 жителей. Занятия жителей: земледелие и доставка грузов [32. С. 284].

Большой деревней со смешанным сектантским населением (молокане, духоборы, баптисты) была Тамбовка Гильчинской волости. Основана в 1875 г. молоканами из Тамбовской губернии. В 1880 г. состояла из 23 дворов и 83 душ мужского и 84 душ женского пола. К 1 января 1891 г. числилось 111 дворов, 829 жителей (445 мужского и 384 женского пола). Главные занятия населения: земледелие и извоз. Некоторые из жителей занимались овцеводством, другие – пчеловодством [Там же. С. 406]. В 1916 г. в Тамбовке было 263 двора, 2 384 жителя, домохозяйства держали 2 225 лошадей и 1 340 коров [37. С. 86–87]. Всего в 1893 г. в Амурской области было 3426 крестьянских дворов, из них 112 духоборских, 416 молоканских [38. С. 27].

В 60-е гг. XIX в. духоборы появляются в Благовещенске. Небольшая их часть проживала в городе практически с начала его строительства. К. Литвинцев писал, что кроме молокан, в Благовещенске можно встретить несколько семейств молоканской отрасли – духоборов. При этом автор высказывает свою точку зрения, сводящуюся к тому, что духоборчество выродилось из молоканства. В этом пункте он не прав. К. Литвинцев отмечает, что амурские духоборы занимаются земледелием, торговлей, рыбными промыслами по рекам Амуру и Зее, последний род занятий, рыболовство, практикуется исключительно духоборами и производится в довольно больших размерах. Они, вкуче с китайцами, могут считаться единственными поставщиками свежей рыбы на весь Благовещенск [39. С. 552].

Еще одним местом поселения духоборов на востоке страны была Якутия. Массовая их высылка в Якутскую область была связана с обострением ситуации вокруг сектантов на Кавказе. Там в конце XIX в. духоборы разделилась на две враждебные партии. Одна довольствовалась существующими порядками, другая стала энергично протестовать против властей [10. С. 193–194]. Как писал В.Д. Бонч-Бруевич, эта общественная вспышка привела к тому, что духоборческая масса вновь вернулась к сознанию своих предков, снова начались отказы от оружия и борьба за уничтожение частной собственности. Это вызвало репрессии со стороны правительства. Молодежь, бросившая ружья, после страшных истязаний была отдана в дисциплинарные батальоны и сослана на 18 лет в Якутскую область. Участвовавшие в протестном движении были

изгнаны из своих домов и отправлены в лихорадочные долины Кахетии и Картолинии, где половина сектантов в первые два года умерли от болезней. В 1898–1900 гг. оставшиеся в живых из ссыльных и находившихся на свободе духоборцев (более 7 000 человек) уехали в Канаду [10. С. 189; 11. С. 247].

Л.Н. Толстой принял активное участие в оказании помощи духоборам, он пожертвовал им гонорар за роман «Воскресение» для организации переселения сектантов в Канаду. В письме в «Иностранные газеты» великий русский писатель рассказал о необычайно строгих мерах правительства в отношении духоборов: «Не говоря о сечениях, карцерах и всякого рода истязаниях, которым подвергались отказавшиеся (от военной службы. – Д.Б.) духоборы в дисциплинарных батальонах, от чего многие умерли, и об их ссылке в худшие места Сибири, не говоря о 200 запасных, в продолжение двух лет томившихся в тюрьмах и теперь разлученных с семьями и сосланных попарно в самые дикие местности Кавказа, где они, не имея заработков, буквально мрут с голода, не говоря об этих наказаниях самих виноватых в отказе от службы, семьи духоборов систематически разоряются и уничтожаются. Все они лишены права отлучаться от своих мест жительства и усиленно штрафуются и запираются в тюрьмы за неисполнение самых странных требований начальства: за называние себя не тем именем, которым велено называть себя, за поездку на мельницу, за посещение матерью своего сына, за выход из деревни в лес для собирания дров, так что последние средства прежде богатых жителей быстро истощаются» [40. С. 419, 423].

По дороге в Якутию сектанты терпели большую нужду, а на новом месте сразу попадали в крайне тяжелые бытовые условия. Об этом можно судить по документам, находящимся в архиве ГМИР. Сохранилось письмо из Иркутска некоего Веригина (возможно, родственника предводителя духоборов П.В. Веригина), датированное 1897 г. В нем следующие по этапу к месту ссылки сектанты просили своих собратьев выслать им денег, поскольку выдали им в день на человека по 10 копеек, которых хватало только на 2 фунта черного хлеба, тогда как им было необходимо 4 фунта [41. Л. 1, 2]. В письме от 8 сентября 1897 г. рассказывается о судьбе партии ссыльных духоборов в Якутской области. В Якутск сектанты прибыли 31 августа в числе 31 человека. Один остался в больнице, остальные оправились дальше по этапу. Губернатор в отнесся к поручению по водворению ссыльных с необычной для него суровостью. Вместо того чтобы поселить духоборов в обжитом месте, решено было отправить их на устье реки Ноторы, где было небольшое стойбище. На обустройство и поселение всей группе сектантов было выдано всего по 30 рублей на человека. Чиновник по особым поручениям при губернаторе по дороге купил продовольствие и одежду для духоборов по небольшой цене. Вначале планировалось построить деревянные избы. Однако чиновник решил вопрос с жильем по-иному. Он пригласил местных жителей из поселков, расположенных на расстоянии 70–100 вёрст, которые построили для духоборов юрты (это перед морозной якутской зимой. – Д.Б.). После этого смягчился и губернатор, дозволил сектан-

там взять лишнюю пару лошадей, отпустил дополнительно 100 рублей на непредвиденные расходы и выдал медикаменты. А прощаясь со ссыльными, сказал, что будет следить за их судьбой и постарается оказывать духоборам всю возможную помощь, пока их быт не будет вполне налажен [42. Л. 1–3].

Это была первая партия духоборов, высланных с Кавказа 25 ноября 1896 г. [43. С. 45]. Для духоборов, прирожденных земледельцев, ссылка в дремучую якутскую тайгу означала неминуемую смерть. И они бы, наверное, погибли, если бы не помощь, пришедшая от Л.Н. Толстого. Писатель был очень занят судьбой духоборов, сосланных царским правительством с Кавказа в Якутскую область за отказ по религиозным мотивам от несения военной службы. В 1898 г. правительство отправило группу женщин с детьми в количестве 41 человека к их мужьям и братьям, уже водворенным на поселение в устье реки Ноторы (на территории нынешнего Амгинского улуса). Л.Н. Толстой хотел найти надежного человека, который мог бы сопровождать этих людей и по возможности облегчить их дорожные страдания. В это время Лев Николаевич познакомился с молодым якутским врачом П.Н. Сокольниковым, который закончил медицинский факультет Московского университета и получил назначение в Якутию. 22 марта 1898 г. Л.Н. Толстой обратился с письмом к Иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, находившемуся в то время в Москве, в котором просил дать распоряжение по телеграфу в Иркутск о том, чтобы Сокольников был допущен сопровождать арестованных женщин с детьми в Якутск. П.Н. Сокольников присоединился к группе жен духоборов на станции Козлов, лечил их в дороге, собирал в Томске и Иркутске пожертвования на их нужды.

Все тяготы этого путешествия П.Н. Сокольников подробно описал в большой серии очерков под названием «Жены и дети духоборов», напечатанных в ряде номеров газеты «Восточное обозрение», написанных с позиций сострадания к этим неграмотным, гонимым и преследуемым людям. Личная забота Л.Н. Толстого о судьбе жен и детей духоборов, статьи П.Н. Сокольникова вызвали сочувствие к ним на всем пути следования. Трудовое население Сибири повсюду их встречало приветливо, заботилось о ночлеге и питании. 1 июля 1899 г. усталые и исхудалые от постоянного недоедания жены и дети духоборов увидели своих родных. В дальнейшем духоборческие поселения стали появляться в других местах. 25 июля 1900 г. власти Якутской области рассмотрели вопрос об образовании новых поселений для ссыльных сектантов. Под новые поселки выделили места в урочище Маган и в Бетюнском наслеге Ботурусского улуса. 26 февраля 1905 г. по совместному докладу военного министра и министра внутренних дел правительство разрешило выезд якутских духоборов за океан. Таким образом, духоборы первой партии пробывали в якутской ссылке около 8 лет [44. С. 69, 77]. В конце августа 1905 г. якутские духоборы (190 человек) выехали в Канаду [43. С. 60].

Во второй половине XIX – начале XX в. духовные христиане внесли большой вклад в освоение российской Дальнего Востока. Их трудами был распаханы десят-

ки, сотни тысяч гектаров целины, построены мельницы, здания магазинов, жилых домов. В Благовещенске был возведен, наверное, единственный такой в России каменный молоканский молельный дом [45. С. 39–40].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков отмечал, что сектанты – «это самый здоровый и полезный элемент нашей области. Все они отличаются трудолюбием, трезвостью, предприимчивостью и сравнительно чистотой нравов. Главное занятие их – за исключением молокан, живущих в городе, которые по преимуществу занимаются торговлей, – сельское хозяйство, с каждым годом развивающееся благодаря их трудолюбию и энергии. Сектанты, как более предприимчивые и развитые сравнительно с окружающей их средой, всегда отзывчивы к мерам, служащим для поднятия и улучшения сельского хозяйства и служат отличным проводником для распространения в крестьянстве различных сельскохозяйственных машин» [22. С. 96]. Об этом же писал Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской: «Раскольническое население... в Забайкальской и Амурской областях держится довольно замкнуто в своих исторических рамках, отличается силой духа, трудолюбием, а главное – трезвостью» [46. С. 33]. В «Приложении к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг.» отмечается, что сектанты – духоборы, молокане и другие стали переселяться на Амур с 1862 г. Для них были характерны энергия, религиозный фанатизм и хозяйственность. Амурский край привлекал их религиозной свободой, отсутствием рекрутчины и земельным простором [47. С. 33]. Царские власти и Русская православная церковь в XIX в. причисляли духовных христиан к особо вредным сектам и постоянно устраивали на них гонения. Однако на Дальнем Востоке администрация, озабоченная вопросами освоения края и закрепления в нем многочисленного населения, фактически проводила политику предоставления сектантам религиозных свобод.

С установлением советской власти на Дальнем Востоке в конце 1922 г. начинается закат религиозного движения духовных христиан. В 20-е гг. XX в. духовные христиане еще сохраняли в регионе сильные социальные и экономические позиции. На руку сектантам было то обстоятельство, что в это время произошла утрата прежнего статуса православной церкви, в рядах которой начался серьезный кризис [48. С. 107]. В условиях относительной стабилизации общественной ситуации молокане провели несколько съездов. Первый Амурский губернский съезд духовных христиан молокан прошел в Благовещенске с 3 по 8 декабря 1922 г. Представители дальневосточных общин, включая делегатов из Харбина и Владивостока, обсудили самые важные и представляющие интерес проблемы своей внутренней жизни. Политические вопросы не поднимались [49. С. 1–10]. Однако 4-й Амурский окружной съезд духовных христиан-молокан, состоявшийся в Благовещенске 11–12 февраля 1927 г., начал свою работу с направления в ЦИК СССР благодарственной телеграммы. В ней выражалась готовность молокан всеми силами содействовать процветанию и укреплению экономического благосостояния и

духовного просвещения всех народов, входящих в состав Союза ССР. Телеграмма была отправлена от имени амурской общины по инициативе председателя Всесоюзного центрального совета духовных христиан молокан Н.Ф. Кудинова, который лично прибыл на амурский съезд [50. Л. 2, 3]. Но уверения сектантов в своей лояльности и их приветствия в адрес советской власти уже не имели никакого значения.

В докладе Амурского окружного отдела ОГПУ (1926 г.) были зафиксированы кризисные явления в среде духовных христиан. Отмечалось, что молокане культурно-просветительной работы не ведут. Люди пожилого и среднего возраста по традиции соблюдали религиозность, молодежь в большинстве была пассивна и, вопреки категорическому запрету, совершала такие правонарушения, как употребление алкоголя и табака. По мнению автора доклада, секта амурских духоборов представляла в большинстве случаев выходцев из молокан, сущность их вероучения отличалась от молоканского лишь пророчествами и круговой пляской. У духоборов не было ничего самобытного, оригинального, а различные обряды были заимствованы ими от других сект. Нередко эти заимствования служили причиной разногласий и даже разделения секты на толки. Так случилось, когда некоторые из амурских духоборов переняли от баптистов обряд «преломления хлеба», а другие не признали этого обряда. В результате произошел раскол на два толка. Обряд «преломления хлеба» не привился, и разъединившаяся секта объединилась снова. Духоборческие группы возглавлялись старцами, которые руководили молитвенными собраниями. Определенных руководителей (пресвитеров), так же как у молокан, не было. Несмотря на пятидесятилетнее существование, секта духоборов популярностью среди населения не пользовалась и роста таковой не наблюдалось. В Благовещенске в секту входили мелкие торговцы, домовладельцы, часть занималась рыбным промыслом (бедняки). В деревенских общинах имелся кулацкий и середняцкий крестьянский элемент [51. Л. 2, 12].

К концу первого послереволюционного десятилетия для всех верующих в СССР наступили тяжелые времена. Члены «Союза воинствующих безбожников» начали кампанию по «борьбе с религией», выступали инициаторами закрытия церквей и разрушения храмов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля

1929 г. «О религиозных объединениях» значительно сузило рамки легальной церковной деятельности и закрепило право на выражение атеистических убеждений и свободу атеистической пропаганды. Религиозными делами стали заниматься не службы комиссариата юстиции, а органы государственной безопасности [52. С. 188–190]. Начались закрытие храмов, модельных домов и ликвидация общин. На Дальнем Востоке с 1927 по 1932 г. численность молокан сократилась в 60 раз, духоборов – в 10, баптистов и евангельских христиан – в 3 раза [15. С. 33]. Спустя несколько десятилетий умерли последние духовные христиане, которые принимали участие в молитвенных собраниях, помнили, как они проходили, знали основы своей веры.

Если в сибирский период жизни духовные христиане подвергались репрессиям и немало претерпели от царских властей, то на Дальнем Востоке их общины достигли больших экономических успехов, а общественные позиции укрепились. Всё изменилось после революции 1917 г. Большевики с претензией на обладание новой непогрешимой веры – марксизма-ленинизма – не могли и не хотели иметь в стране никакую иную постороннюю идеологию. Началась борьба с религией. Коммунистам были особенно неприятны сектанты-молокане с их буржуазным жизненным настроением и ориентацией на капиталистические общественные отношения. Молокане подвергались сильному социальному давлению с двух направлений – сверху и снизу. Власть (царская и советская) не могла их терпеть как религиозных диссидентов, покушающихся на государственную идеологическую монополию. Общество также отвергало молоканское мироустройство, основанное на буржуазных принципах, поскольку российское крестьянство в массе тяготело к традиционным докапиталистическим уравнилельно-общинным формам быта. Духоборы с их стремлением к организации локальных теократических обществ с наличием независимых от власти управленческих и судебных институтов (сектантские вожди, старички) совершенно не вписывались в формирующееся тоталитарное государство. Окончательно духоборы были раздавлены коллективизацией сельского хозяйства, поскольку основой их жизненного устройства был патриархальный крестьянско-сельский быт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов И.П. Молокане. М.: Моск. рабочий, 1931. 44 с.
2. Новицкий О.М. Духоборцы. Их история и вероучение. 2-е изд. Киев, 1882. 282 с.
3. Гумилевский Ф. История русской церкви. В пяти периодах. 5-е изд. М., 1888. 1304 с.
4. Ливанов Ф.В. Острожники и раскольники. Очерки и рассказы. 1-е изд. СПб.: Типография М. Хана, 1872. Т. III. 640 с.
5. Харламов И.Н. Духоборцы // Русская мысль. 1884. Кн. XI. С. 138–161; Кн. XII. С. 83–115.
6. Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб.: Изд. А.С. Суворова, 1882. 433 с.
7. Духоборцы // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XI, полутом 21. СПб., 1893. С. 251–253.
8. Пругавин А.С. Молокане // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 11-е стереотип. изд. с матрицы 1915 г. / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. М., 1933. Т. 29. Ст. 224–230.
9. Бонч-Бруевич В.Д. Духоборцы // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 13-е изд., стереотип. / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. М., Б.г. Т. 19. С. 170–171.
10. Бонч-Бруевич В.Д. Раскол и сектантство в России. Доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 173–213.
11. Бонч-Бруевич В.Д. Сектантство и старообрядчество в первой половине XIX в. // Избранные атеистические произведения. М., 1973. С. 214–263.

12. Балалаева Н.М. О борьбе религиозного сектантства против колхозного движения на Дальнем Востоке СССР // Из истории борьбы за советскую власть и социалистическое строительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1965. С. 110–128.
13. Балалаева Н.М. О переселении молокан в Амурскую область // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. Хабаровск, 1968. Т. 16 (серия историческая). С. 24–39.
14. Балалаева Н.М. Антисоветская деятельность амурских религиозных сект (ноябрь 1922–1924 гг.) // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. Хабаровск, 1970. Т. 28, ч. I (серия историческая). С. 3–29.
15. Балалаева Н.М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859–1936) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. 36 с.
16. Балалаева Н.М. Амурское молоканство в период 1906–1917 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. С. 188–217.
17. Балалаева Н.М. О попытке переселения земельного населения Амурской области на Камчатку в 1911–1912 годах // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. III. С. 3–9.
18. Аргудяева Ю.В. Молокане в Приамурье // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 156–173.
19. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1997. 315 с.
20. Аргудяева Ю.В. Культура и быт молокан Амурской области // Дни славянской письменности и культуры : материалы тез. и докл. к науч.-практ. конф. Владивосток, 1997. С. 19–21.
21. Аргудяева Ю.В. Роль конфессиональных групп русских в освоении Дальнего Востока // Российское Приамурье: история и современность : материалы докл. науч. семинара, посвящ. 350-летию похода Е.П. Хабарова, 24–25 ноября 1999 г. Хабаровск, 1999. С. 57–61.
22. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Крестьяне. Владивосток : ДВО РАН, 2006. Кн. I. 312 с.
23. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» // ПСЗРИ. 2-е собр. Отделение первое. 1861. Т. XXXVI, № 36928. СПб., 1863.
24. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. V. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. Составил начальник отряда земледельческой колонизации С.П. Шлишкевич. СПб. : Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 142 с.
25. Кириллов А.В. Переселения в Амурскую область // Приамурские ведомости. 1895. 1 января (Приложение к № 53). С. 1–47.
26. Новиков-Даурский Г.С. Освоение русскими амурских просторов // Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961. С. 126–133.
27. Ланкин А.В. Переселение и жизнеописание духовных христиан в Амурской области с 1864 года по 1913 год (Рукопись). ГМИР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 364.
28. Кобызов Р.А. Религиозные общества и общины Благовещенска // История Благовещенска. 1856–1917 : в 2 т. Благовещенск, 2009. Т. 1. С. 126–36.
29. Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 780.
30. ГААО. Ф. 29-и. Оп. 3. Д. 943.
31. Муратов М.В. Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX века. Труды Государственного Иркутского университета. Выпуск пятый. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1923. 55 с.
32. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск : Типография т-ва Д.О. Мокин и К, 1894. 543 с.
33. Государственный музей истории религии (далее – ГМИР). Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 799.
34. ГААО. Ф. 30-и. Оп. 1. Д. 16.
35. Адаменко Н.Г. Исторические страницы села Андреевки // Страницы нашей истории. К 140-летию с. Ивановки и 80-летию Ивановского района. Благовещенск, 2004. С. 67–71.
36. Российский государственный архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 5. Д. 27.
37. Итоги сельскохозяйственной переписи в Амурской области. Благовещенск : Благовещенское утро, 1916. 145 с.
38. Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места. 1893 года. Вып. 2: Амурская область. СПб. : Издание центрального статистического комитета МВД, 1893. 58 с.
39. Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы. Историко-этнографический очерк // Христианское чтение. 1887. № 11–12. С. 549–567.
40. Толстой Л.Н. В иностранные газеты. 1898 г., марта 19. Москва // Собрание сочинений : в 22 т. Т. 19: Письма 1882–1899. М. : Худ. лит., 1984. С. 418–423.
41. ГМИР. Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 410.
42. ГМИР. Ф. 2. Оп. 7(61). Д. 417.
43. Пинигин В.В. Любящий Вас Лев Толстой. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1978. 183 с.
44. Доктор Прокопий Нестерович Сокольников: фотографии, документы, воспоминания, статьи / сост. Л.М. Григорьева. Якутск : Бичик, 2015. С. 176.
45. Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенск. Благовещенск : Амурская ярмарка, 2006. 112 с.
46. Всеподданейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб. : Типография Ю.Н. Эрлих, Садовая, № 9, 1895. 148 с.
47. Приложение к всеподданейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг. Благовещенск : Типолиитография «Благовещенск» торгового дома И.Я. Чурин и К, 1915. 102 с.
48. Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история отношений (1917–1941). Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2002. 199 с.
49. ГМИР. Протоколы 1-го Амурского губернского съезда духовных христиан молокан, состоявшегося 3–8 декабря 1922 г. Ф. К-1. Оп. 3(24). Д. 1.
50. ГМИР. Протокол 4-го Амурского окружного съезда духовных христиан молокан, состоявшегося в г. Благовещенске 11–12 февраля 1927 г. Ф. К-1. Оп. 3(24). Д. 2.
51. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 168.
52. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2001. С. 188–190.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2017 г.

SPIRITUAL CHRISTIANS IN SIBERIA AND IN THE FAR EAST OF RUSSIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 62–70.

DOI: 10.17223/15617793/418/8

Dmitry E. Buyanov, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: dmit2b@gmail.com

Keywords: Siberia; Far East; resettlement; Dukhobors; Molokans; traditions; religion.

The article is devoted to the life of spiritual Christians in Siberia and in the Far East of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. A lot of mystical and rationalistic sects appeared after the Raskol of the Russian Orthodox Church in the middle of the 17th century. The Khlysts (Khlysty) were among them. In the second part of the 17th century the movement of the Dukhobors and the Molokans emerged from the Khlysts Movement. The Khlysts had an idea of the possibility of a direct talk with God, avoiding mediation of priests. Later, spiritual Christians developed this thesis and proclaimed the idea of “inner church” in the soul of the believer. The Dukhobors and the Molokans mostly represented the social protest of the Russian peasantry (and the Molokans represented the protest of suburbanites and merchants as well) against the existing feudal and serfdom orders and dogmatism of the Russian Orthodox Church. Followers of spiritual Christianity denied all orders of the Orthodox Church, external church ceremonies, worship of visible demonstrations of cult: icons, crosses, relics. They denied churches (buildings), monasteries, monasticism, saints and seven sacraments. The communities of spiritual Christians existed in the European part of the country, Siberia and the Far East of the Russian Empire. The sectarians represented state peasants, handicraftsmen, small traders. The Dukhobors and the Molokans were strongly persecuted by the government. Authorities saw the sectarians as very harmful and exiled them in remote and far distant places of Siberia and Yakutsk region. Some of spiritual Christians were left in settlements of Yeniseysk, Irkutsk and Tomsk provinces. After signing the Treaty of Aigun between the Russian Empire and the Qing dynasty (28 may 1858) forced relocation of spiritual Christians began in the Far East. Later, spiritual Christians informed their fellows about advantages of resettlement expressed in freedom from conscription, religious tolerance and opportunity to receive an allotment of hundred desyatinas. The relocation of spiritual Christians is described in the article. It is noted that the Dukhobors arrived in Amur Oblast mainly from Yeniseysk Province and Transbaikalia. The Dukhobors resettled alongside with the Molokans, but the flow of the Dukhobors was not so mass, and they settled predominantly in the rural terrain. Villages Andreevka, Astrakhanovka, Pokrovka, Novo-Troitskoe, Gil'chin, Tambovka, Gomelevka, Vvedenovka and town Blagoveshchensk were places where the sectarians (their names are specified in the article) settled. The role of L.N. Tolstoy in helping Yakutsk Dukhobors is noted in the article. The contribution of spiritual Christians in the development of the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th centuries is highlighted. The causes of the crisis of the religious movement in the 1920s are analyzed.

REFERENCES

1. Morozov, I.P. (1931) *Molokane* [The Molokans]. Moscow: Mosk. rabochiy.
2. Novitskiy, O.M. (1882) *Dukhobortsy. Ikh istoriya i verouchenie* [The Dukhobors. Their history and dogma]. 2nd ed. Kiev: V univ. tip. (I. Zavadskogo).
3. Gumilevskiy, F. (1888) *Istoriya russkoy tserkvi. V pyati periodakh* [The history of the Russian church. In five periods]. 5th ed. Moscow: M.A. Ferapontov.
4. Livanov, F.V. (1872) *Ostrozhniki i raskol'niki. Oчерki i rasskazy* [The Ostrovniki and the Schismatics. Sketches and stories]. 1st ed. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya M. Khana.
5. Kharlamov, I.N. (1884) Dukhobortsy [The Dukhobors]. *Russkaya mysl'*. XI. pp. 138–161; XII. pp. 83–115.
6. Prugavin, A.S. (1882) *Raskol v nizhu i raskol vverkhu. Oчерki sovremennogo sektantstva* [The split at the bottom, and the split at the top. Essays on contemporary sectarianism]. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorova.
7. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1893) Dukhobortsy [The Dukhobors]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XI:21. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I.A. Efrona.
8. Prugavin, A.S. (1933) Molokane [The Molokans]. In: Gambarov, Yu.S. et al. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat]. 11th ed. Vol. 29. Moscow: Russkiy Bibliograficheskii Institut Granat.
9. Bonch-Bruevich, V.D. (n.d.) Dukhobortsy [The Dukhobors]. In: Gambarov, Yu.S. et al. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* [Encyclopedic Dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat]. 13th ed. Vol. 19. Moscow: Russkiy Bibliograficheskii Institut Granat.
10. Bonch-Bruevich, V.D. (1973) Raskol i sektantstvo v Rossii. Doklad V.D. Bonch-Bruevicha vtoromu ocherednomu s'ezdu Rossyskoy sotsial demokraticeskoy partii [Split and sectarianism in Russia. Report of V.D. Bonch-Bruevich to the Second Regular Congress of the Russian Social Democratic Party]. In: Sheynman, M.M. (ed.) *Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya* [Selected atheistic works]. Moscow: Mysl'.
11. Bonch-Bruevich, V.D. (1973) Sektantstvo i staroobryadchestvo v pervoy polovine XIX v. [Sectarianism and Old Belief in the first half of the 19th century]. In: Sheynman, M.M. (ed.) *Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya* [Selected atheistic works]. Moscow: Mysl'.
12. Balalaeva, N.M. (1965) O bor'be religioznogo sektantstva protiv kolkhoznogo dvizheniya na Dal'nem Vostoke SSSR [On the struggle of religious sectarianism against the collective farm movement in the Far East of the USSR]. In: Shchagin, E.M. (ed.) *Iz istorii bor'by za sovetskuyu vlast' i sotsialisticheskoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke* [From the history of the struggle for Soviet power and socialist construction in the Far East]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izd-vo.
13. Balalaeva, N.M. (1968) O pereselenii molokan v Amurskuyu oblast' [On the migration of the Molokans to the Amur Oblast]. *Uchenye zapiski Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 16. pp. 24–39.
14. Balalaeva, N.M. (1970) Antisovetskaya deyatel'nost' amurskikh religioznykh sekt (noyabr' 1922–1924 gg.) [Anti-Soviet activities of the Amur religious sects (November 1922–1924)]. *Uchenye zapiski Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 28:I. pp. 3–29.
15. Balalaeva, N.M. (1971) *Istoriya religioznogo sektantstva na Dal'nem Vostoke SSSR (1859–1936)* [The history of religious sectarianism in the Far East of the USSR (1859–1936)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
16. Balalaeva, N.M. (1972) Amurskoe molokanstvo v period 1906–1917 gg. [The Amur Molokanism in 1906–1917]. In: Balitskiy, V.G. (ed.) *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka* [Questions of the history of the Far East]. Khabarovsk: Kn. izd-vo.
17. Balalaeva, N.M. (1973) O popytke pereseleniya zemledel'cheskogo naseleniya Amurskoy oblasti na Kamchatku v 1911–1912 godakh [On the attempt to relocate the agricultural population of the Amur Oblast to Kamchatka in 1911–1912]. In: Balitskiy, V.G. (ed.) *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka* [Questions of the history of the Far East]. Vol. 3. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute.
18. Argudyaeva, Yu.V. (1995) Molokane v Priamur'e [The Molokans in the Amur region]. In: Zabiyaiko, A.P. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii: arkhologiiya i kul'turnaya antropologiya* [Traditional Oriental Culture in Asia: Archeology and Cultural Anthropology]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical Institute.
19. Argudyaeva, Yu.V. (1997) *Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gg. XIX v. – nachalo XX v.)* [The peasant family of the eastern Slavs in the south of the Far East of Russia (1850s – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences.
20. Argudyaeva, Yu.V. (1997) [Culture and Life of the Molokans of the Amur Oblast]. *Dni slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury* [Days of Slavic Writing and Culture]. Proceedings of the conference. Vladivostok. pp. 19–21. (In Russian).

21. Argudyaeva, Yu.V. (1999) [The role of confessional groups of Russians in the development of the Far East]. *Rossiyskoe Priamur'e: istoriya i sovremennost'* [The Russian Amur region: History and Modernity]. Proceedings of the seminar dedicated to the 350th anniversary of the campaign of E.P. Khabarov. 24–25 November 1999. Khabarovsk. pp. 57–61. (In Russian).
22. Argudyaeva, Yu.V. (2006) *Etnicheskaya i etnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. *Krest'yane* [Ethnic and ethnocultural history of Russians in the south of the Far East of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries). The peasants]. Vol. 1. Vladivostok: FEB RAS.
23. Russian Empire. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie Sibirskogo komiteta “O pravilakh dlya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoy i Primorskoy oblastiakh Vostochnoy Sibiri” [Highly approved provision of the Siberian Committee “On the Rules for the Settlement of Russians and Foreigners in the Amur and Primorye Regions of Eastern Siberia”]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii*. Collection 2. Part 1. XXXVI. 36928.
24. Shlishkevich, S.P. (1911) *Trudy komandirovannoy po vysochayshemu poveleniyu Amurskoy ekspeditsii* [Works of the Amur expedition sent on the highest order]. Vol. V. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma.
25. Kirillov, A.V. (1895) Pereseleniya v Amurskuyu oblast' [Resettlement to the Amur Oblast]. *Priamurskie vedomosti*. 1 January (Supplement to No. 53). pp. 1–47.
26. Novikov-Daurskiy, G.S. (1961) *Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniya* [Historical and archaeological essays. Articles. Memories]. Blagoveshchensk: Amurskoe kn. izd-vo. pp. 126–133.
27. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 8. File 364. Lankin, A.V. (n.d.) *Pereselenie i zhizneopisanie dukhovnykh khristian v Amurskoy oblasti s 1864 goda po 1913 god (Rukopis')* [Resettlement and biography of spiritual Christians in the Amur Oblast from 1864 to 1913 (Manuscript)].
28. Kobyzov, R.A. (2009) Religioznye obshchestva i obshchiny Blagoveshchenska [Religious societies and communities of Blagoveshchensk]. In: Telyuk, A.V. (ed.) *Istoriya Blagoveshchenska. 1856–1917: v 2 t.* [History of Blagoveshchensk. 1856–1917: in 2 vols]. Vol. 1. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
29. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 29-i. List 3. File 780. (In Russian).
30. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 29-i. List 3. File 943. (In Russian).
31. Muratov, M.V. (1923) Dukhobortsy v Vostochnoy Sibiri v pervoy polovine XIX veka [The Dukhobors in Eastern Siberia in the first half of the nineteenth century]. *Trudy Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta*. 5.
32. Kirillov, A.V. (1894) *Geograficheskostatisticheskiy slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey s vklyucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s nimi stran* [Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primorye regions with the inclusion of some points of neighboring countries]. Blagoveshchensk: Tipografiya t-va D.O. Mokin i K.
33. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 799. (In Russian).
34. State Archive of the Amur Oblast (GAAO). Fund 30-i. List 1. File 16. (In Russian).
35. Adamenko, N.G. (2004) Istoricheskie stranitsy sela Andreevki [Historical pages of the village Andreevka]. In: Pervushin, V.G. (ed.) *Stranitsy nashey istorii. K 140-letiyu s. Ivanovki i 80-letiyu Ivanovskogo rayona* [Pages of our history. To the 140th anniversary of v. Ivanovka and the 80th anniversary of the Ivanovo district]. Blagoveshchensk.
36. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 5. File 27. (In Russian).
37. Blagoveshchenskoe utro. (1916) *Itogi sel'skokhozyaystvennoy perepisi v Amurskoy oblasti* [Results of the agricultural census in the Amur Oblast]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskoe utro.
38. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1893) *Statistika Rossiyskoy imperii* [Statistics of the Russian Empire]. Vol. XXVII:2. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
39. Litvintsev, K. (1887) Amurskie sektanty: molokane i dukhobory. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Amur sectarians: the Molokans and the Dukhobors. Historical and ethnographic essay]. *Khristianskoe chtenie*. 11–12. pp. 549–567.
40. Tolstoy, L.N. (1984) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 vols]. Vol. 19. Moscow: Khud. lit. pp. 418–423.
41. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 410. (In Russian).
42. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund 2. List 7(61). File 417. (In Russian).
43. Pinigin, V.V. (1978) *Lyubiyashchiy Vas Lev Tolstoy* [Loving you, Leo Tolstoy]. Yakutsk: Yakut. knizh. izd-vo.
44. Grigor'eva, L.M. (2015) *Doktor Prokopy Nesterovich Sokol'nikov: fotografii, dokumenty, vospominaniya, stat'i* [Dr. Prokopy Nesterovich Sokolnikov: photographs, documents, memoirs, articles]. Yakutsk: Bichik.
45. Kholkina, T.A. & Chayun, L.A. (2006) *Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchensk* [Architectural heritage of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
46. Dukhovskiy. (1895) *Vsepoddaneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo. 1893, 1894 i 1895 gody* [The humble report of the Amur Governor-General Lieutenant-General Dukhovskiy. 1893, 1894 and 1895]. St. Petersburg: Tipografiya Yu.N. Erlikh, Sadovaya, 9.
47. Blagoveshchensk. (1915) *Prilozhenie k vsepoddaneysheму otchetu voennogo gubernatora Amurskoy oblasti za 1912–1913 gg.* [Supplement to the humble report of the military governor of the Amur Oblast for 1912–1913]. Blagoveshchensk: Tipolitografiya “Blagoveshchensk” tovrovogo doma I.Ya. Churin i K.
48. Bakaev, Yu.N. (2002) *Vlast' i religiya: istoriya otnosheniy (1917–1941)* [Power and religion: the history of relations (1917–1941)]. Khabarovsk: Khabarovsk State Technical University.
49. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund K-I. List 3(24). File 1. *Protokoly 1-go Amurskogo gubernskogo s'ezda dukhovnykh khristian molokan, sostoyavshegosya 3–8 dekabrya 1922 g.* [Protocols of the 1st Amur Provincial Congress of spiritual Molokans, held on December 3–8, 1922].
50. State Museum of the History of Religion (GMIR). Fund K-I. List 3(24). File 2. *Protokol 4-go Amurskogo okruzhnogo s'ezda dukhovnykh khristian molokan, sostoyavshegosya v g. Blagoveshchenske 11–12 fevralya 1927 g.* [Protocol of the 4th Amur District Congress of Spiritual Molokans, held in Blagoveshchensk on February 11–12, 1927].
51. State Archive of Khabarovsk Krai. Fund P-2. List 2. File 168. (In Russian).
52. Chastnaya kolleksiya. (2001) *Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 8 aprelya 1929 g. “O religioznykh ob'edineniyakh”* [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 8, 1929 “On Religious Associations”]. In: *Religiya i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii. Sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraja* [Religion and Power in the Far East of Russia. Collection of documents of the State Archive of Khabarovsk Krai]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya.

Received: 21 March 2017